

Ещё утром шёл снег, а к полудню прояснилось, установилась ясная морозная погода. Наступил десятый день весны, но февраль вернулся и накрыл белым снежным саваном Псков и его окрестности. Орлецовский погост утонул в сугробах и если бы снег не расчистили, траурной процессии пришлось бы — ох как непросто добираться до нужного места...

Россия провожала в последний путь своего верного сына, свою гордость, великого мастера слова — Валентина Яковлевича Курбатова. Это ему, выросшему на Урале, беззаветно любившему русскую зиму, при-

рода подарила настоящий зимний полдень, последний полдень под высоким небом Отечества.

«Я завидую вашему снегу, — писал он Леонарду Дмитриевичу Постникову. — У нас всё дождь и слякоть, за которыми не видно приближения Нового года. Мама у меня в Пскове полгода пожила — нет, говорит, не могу больше, давай в Чусовой. Уехала, звонит, довольная: снегу по колено!»

По заснеженной аллейке, задевая отсыпанные по бокам снежные гребни, идёт траурная процессия. Впереди плывёт крест — настоящий, дубовый, чтобы хотя это — не крест, а матери-

ал! — не прозвучало фальшивой нотой в финале оратории жизни Писателя.

Плывёт над землёй обдуваемый снежной пылью крест, пока ещё земной, но уже превращающийся в Крест бесконечный, сотканный когда-то прежде — из мыслей и слов...

Крест, который есть не только неудобноносимая ноша, но и награда: от него было даровано Валентину Курбатову тяжёлое, но счастливое детство: «Жил... — вспоминал он, — при постоянно теплящейся в углу лампы. Читать учился по церковной Псалтыри и Часослову».

И это осталось с ним от тех детских лет до последнего его дня: и чтение Псалтыри в Троицком соборе, когда в шестидесятые приехал в Псков, и те же чтения в городских храмах в двухтысячные, и последняя для него Псалтырь, что звучала над его телом восьмого-девятого марта 2021 года...

За крестом несут подушечку с главными наградами его земной жизни: знаками лауреата Государственной и Патриаршей премий, Орденом Дружбы, медалью Пушкина...

Впрочем, многое ли уместится на одну подушечку? Орденов и медалей

у Курбатова было не счесть. По заслугам! Он с юности спешил жить, делал это стремительно, не жалея силы, не экономя энергию сердца! «Душа летела, гнала ненасытная юность, — писал он. — Бедные дети столичных окраин и малых городов, мы думали взять культуру штурмом, догнать великую традицию нетерпеливым схватыванием всего понемногу...»

Он не просто жил, он шаг за шагом входил в русскую литературу, в культуру, в пространство бытия великой страны, преображая его упорством, трудолюбием, умом, красотой своей души.

В 1978 году Курбатова приняли в Союз писателей, где он стал членом советов по критике «большого» (СССР) и «малого» (РСФСР) писательских союзов. И далее его перо не уставало скользить по бесконечному писчему листу, создавая в его вселенной волшебные узоры из мыслей и слов, догадок и прозрений, открытий и констатаций. Его называли критиком. Он соглашался:

«Диагноз был верен, — писал он. — Как все критики, я не доверял слову, рождённому одним чувством, одной интуицией, и потому не был поэтом. Как все критики, я не доверял чистой мысли, жалея приносить ей в жертву сопротивляющееся сердце, и потому не был философом. Как все критики, я торопился договорить предложения до точки, не оставляя ничего на догадку и сердечное сотворчество читателей, и потому не был прозаиком...»

Под его пером, в подтвержденье звания критика, рождались книги:

1977 год — «Виктор Астафьев: Литературный портрет»; 1986 — «Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи»; 1987 — «Евгений Широков: Портрет на фоне портрета». И это было только начало...

Двигается траурный ход. За наградами следует первый венок — от администрации области — самый большой и значимый...

Вечная тема — художник и власть. Сколько вокруг этого сломано копий? А сколько судеб? Можно, заигрывая и прислуживая, взметнуть себя вверх, а можно, на антитезе, низринуться в пропасть. Курбатов и здесь нашёл верный путь. О чём искренне, нелицемерно болело его сердце? О вере, народе, о России. Об этом он писал, об этом говорил с властью — без пафоса, высоких слов, без фальши. Кому, как ни ему, христианину, было известно, что всякая власть — от Бога (либо в награду, либо в наказание — за грехи). Но и здесь он не играл в поддавки — это было не в правилах его совести. В плохом нельзя быть советчиком и помощником, это противно учению Христову! Во время одной из публичных встреч с Президентом он без оглядки вступил в спор с Главой Государства. Надо было видеть вытянутые лица присутствовавших при этом чиновников...

«Богатое — всё больше наглет, — писал Валентин Курбатов, — бедное — летит в пропасть, и слово Россия уже одно только географическое слово без языковых, государственных, нравственных, духовных границ, что-то туманно-расплывчатое, про

что детям уже не расскажешь. Мы как-то привыкли жить в России, не определяя её, не подыскивая слов (как же описывать дом?), а вот выгнали нас, надо стало назвать где мы жили, а мы и не можем. Так, чего-то... руками машем на Аринину гору, на черёмуху и рябину. А они не понимают, у них родина-то в телевизоре, где живут одни бандиты да дураки, да где Познер и Сванидзе из нас шутов делают».

В небе над застывшим морозным полднем завиваются чёрные вихри птиц, пути некоторых пересекаются, образуя большие и маленькие кресты. Наверное, птицы что-то кричат, но мы внизу не слышим, мы поём: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...» — раз за разом.

За первым венком следует второй — от деятелей культуры региона. От них бы не венок, целый памятник следовало бы нести, но где уж им...

Тема Пскова, его истории, святынь, его лучших людей без пауз звучала в творчестве Писателя. В девяностые — нулевые на книжные полки выстраиваются его новые книги: в 1996 году — «Домовой: Семён Степанович Гейченко: письма и

рассказы»; 1998 — «Юрий Селиверстов (1940): судьба мысли и мысль судьбы»; 2003 — «Перед вечером, или Жизнь на полях». А сколько выходит фильмов? Сколько телепередач?

На погребение Валентина Яковлевича Курбатова, члена Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов, съёмочная группа ГТРК не приехала. Времени не хватило? Денег? Бензина? Или воли руководства?

Четвёртый венок — от Союза писателей России. Потому, что Курбатов всё ещё — член Академии российской словесности, секретарь и член правления СП России; он ещё входит в состав редколлегий журналов «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета» и многих других; он член Президентского Совета по культуре, лауреат премии им. Л. Н. Толстого, лауреат Горьковской и Новой Пушкинской премий. Лауреат Патриаршей премии и православной литературной премии имени Александра Невского и множества других. И автор многих книг, вот лишь некоторые: «Крест бесконечный», «Батюшки мои», «Наше Небесное оте-

чество», «Уходящие острова», «Нежданно-негаданно», «Пушкин на каждый день»...

Президент в соболезновании родным и близким покойного, назвал Валентина Яковлевича Курбатова талантливым, неординарным, очень ярким человеком, посвятившим себя сбережению и развитию лучших традиций отечественной литературы.

А Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Прекрасный прозаик и один из лучших литературных критиков России, Валентин Яковлевич многие годы посвятил изучению отечественной словесности XIX–XX веков. Мне довелось лично знать почившего. Будучи глубоко верующим человеком, стремившимся жить по Евангелию и при любых обстоятельствах старавшимся следовать высоким нравственным принципам в профессиональной и общественной деятельности, Валентин Яковлевич своим творчеством и самим образом жизни словно соединял прошлое с современностью, убедительно свидетельствовал о красоте и истинности Православия»...

Следующим несут венок от коллег и друзей — псковских писателей. И я берегу зреющее в уме прощальное слово, которое скажу позже, у гроба ушедшего в вечность старшего товарища и друга...

Тем временем путь процессии завершён. Гроб установлен на заменяющие лафет опоры. Присутствующих пленит святая минута молчания...

Но приходит время говорить. Первыми это делают представители региональной власти.

За ними слово берёт председатель Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов. В голосе его звучит волнение. Подчеркнув значимость творчества Курбатова, он сообщает, что в Ботаническом саду Москвы планируется в день Святой Троицы высадить берёзовую рощу в честь первых руководителей Союза писателей и лауреатов Патриаршей премии, одно из деревьев будет посажено в память о Валентине Курбатове. Берёза же выбрана — как воспетый поэтами символ России!

Теперь я. Тоже волнуясь. Обнимаю вдову Курбатова Инну Фёдоровну. Она сегодня — пример мужества и стойкости для всех. Смотрю на неё, их сына Всеволода, родных, близких. Наконец, перевожу взгляд на лицо дорогого для всех нас человека. Говорю...

«Ушёл в путь вся земля Валентин Яковлевич Курбатов. Боль утраты переполняет сердце и от избытка сердца глаголют уста. Наши слова сегодня — о невосполнимости утраты, о непреходящем значении его служения... Служения в том высоком смысле, о котором, применительно к художникам, говорил Иван Ильин. Сейчас для нас невозможно дать объективную оценку глубины этого служения — слишком сиюминутна, неприятельна, бескрыла наша точка зрения. Хорошо бы было взглянуть с позиции вечности, но кто там побывал, кроме апостола Павла? Это он был восхищён до третьего неба

и до конца жизни искал слова, чтобы объяснить увиденное. В восьмой главе послания к Коринфянам он говорит: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

Вот в чём суть служения Валентина Яковлевича Курбатова, который сумел реализовать себя среди, казалось бы, непримиримых мировоззрений.

Для патриотов он стал патриотом, для либералов — либералом, для православных — православным, для агностиков — агностиком. Так он доносил до каждого ту высокую истину, знание, то благое и доброе, что верил ему Бог.

Сейчас мы предаём земле его тело, говорим прощальные слова, а он на третий после смерти день уже был представлен пред лицо Божие, и, быть может, спросил: «То

ли, Господи, я делал, что Ты ждал от меня?»

Мы не можем знать, что изрёк ему Господь. Но думается, слова могли бы быть такими: «То, верный раб мой Валентин! Именно то ты и делал!»

Царствие тебе Небесное, дорогой Валентин Яковлевич! Вечный покой!

***

В гробу лежит человек, он — словно живой. Лицо его светло, он просто прикрыл глаза, в раздумье. О чём думает? Быть может, о заснеженном Уральском хребте, о древних горах его детства? Или о том, что написал однажды: «Только и держишься ста-

рым правилом матери Терезы: «Сделаешь добро — отплатят злом, делай его всё равно; простишь — тебя обвинят в высокомерии, всё равно прощай; будешь успешен — позавидуют и возненавидят — всё равно старайся. Помни: то, что бы ты ни делал, не нужно никому, кроме тебя и Бога».

А теперь и остались только он и Бог! Только он и вечность!

***

Многие заметили, что от тела покойного, пролежавшего в гробу более трёх дней, не ощущалось запаха тления.